

ЭМИЛЬ
ЗОЛЯ

*Его превосходительство
Эжен Ругон*

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
3 81

Émile Zola
SON EXCELLENCE EUGÈNE ROUGON

Перевод с французского Эльги Линецкой, Елены Лопыревой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

© Э. Л. Линецкая (наследник), перевод, 1951
© Е. А. Лопырева (наследник), перевод, 1951
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-12290-1

I

Председатель стоял, а в зале все еще не утихало легкое волнение, вызванное его приходом. Он сел и небрежно, вполголоса, бросил:

— Заседание объявляю открытым.

И он начал перебирать законопроекты, лежавшие перед ним на столе. Слева от председателя близорукый секретарь, которого никто не слушал, скороговоркой читал, уткнувшись носом в бумагу, протокол предыдущего заседания. В зале было шумно, и чтение достигало слуха одних лишь курьеров, очень внушительных, очень подтянутых по сравнению с непринужденно развалившимися членами палаты.

Присутствовало не более ста депутатов. Одни глядели куда-то в пространство и уже подремывали, слегка откинувшись на обитых красным бархатом скамьях. Другие, сгорбившись, словно их давила скука этого заседания, тихонько постукивали кончиками пальцев по красному дереву попитров. Сквозь застекленный потолок, серым полукружием врезавшийся в небо, отвесно падал отблеск дождливого майского дня, равномерно озаряя суровую пышность зала. Свет струился вдоль ступеней амфитеатра широкой красноватой полосой с темным отливом, которая вспыхивала розовыми бликами на углах пустых скамей, тогда как нагота скульптурных групп и статуй за спиной председателя сверкала белизной.

У третьей скамьи справа в узком проходе стоял какой-то депутат. С озабоченным видом он потирал рукой жесткую седеющую бороду, напоминавшую ошейник. Остановив всходившего по ступеням курьера, он вполголоса спросил его о чем-то.

— Нет, господин Кан, — ответил курьер, — господин председатель Государственного совета еще не прибыл.

После этого Кан сел. Потом он внезапно обратился к соседу слева:

— Послушайте, Бежюэн, вы видели сегодня утром Ругона?

Бежюэн, худой смуглый человечек с замкнутым выражением лица, поднял голову, — глаза его беспокойно блуждали, мысли были далеко. Выдвинув доску пишущего, он писал деловые письма на листках голубой бумаги со штемпелем фирмы «Бежюэн и компания, Хрустальный завод, Сен-Флоран».

— Ругона? — повторил он. — Нет, не видел, у меня не было времени зайти в Государственный совет.

И он не спеша опять погрузился в свое занятие. Под невнятное бормотание секретаря, кончавшего чтение протокола, он принялся за второе письмо, изредка заглядывая в записную книжку.

Кан скрестил руки и откинулся на спинку скамьи. Его энергичное лицо с крупным, красиво очерченным носом, выдававшим еврейское происхождение, было угрюмо. Он посмотрел на золоченые розетки потолка, перевел взгляд на струйки дождя, которые стекали по стеклам, потом глаза его остановились: казалось, он тщательно изучает сложные украшения на противоположной стене. Сперва его внимание привлекли стеновые панели, обтянутые зеленым бархатом; на них отчетливо выделялись золотые квадраты с эмблемами. Потом, мысленно измерив расположенные попарно колонны, между которыми, повернув к депутатам мраморные лица с пустыми глазами, стояли аллегорические статуи Свободы и Общественного порядка, он

наконец углубился в созерцание зеленого шелкового занавеса, закрывавшего фреску с изображением Луи-Филиппа, присягающего Хартии¹.

Секретарь тем временем сел. Шум в зале не умолкал. Председатель не торопясь продолжал перелистывать бумаги. Он машинально нажал на кнопку звонка, но, несмотря на оглушительный звон, разговоры не прекратились. Тогда он поднялся и с минуту безмолвно ожидал.

— Господа, — начал он, — мною получено письмо...

Он позвонил еще раз и с непроницаемым, скужающим видом продолжал молча ожидать, возвышаясь над монументальным столом, отделанным внизу плитками красного мрамора в рамках из белого мрамора. Его наглухо застегнутый сюртук выделялся на фоне стенового барельефа, черной чертой рассекая пеплумы² Земледелия и Промышленности — статуй с греческим профилем.

— Господа, — повторил председатель, когда водворилась относительная тишина, — мною получено письмо от господина Ламбертона, который приносит свои извинения; он не может присутствовать на сегодняшнем заседании.

На шестой скамье против стола кто-то негромко рассмеялся. Совсем молодой депутат, лет двадцати восьми, не больше, белокурый и обворожительный, прикрывая рот белыми руками, старался заглушить смех, звонкий, как у хорошенькой женщины. Один из его коллег, настоящая громадина, пересел через три скамьи и на ухо спросил у него:

— Правда ли, что Ламбертон застал жену... Расскажите-ка, Ла Рукет.

¹ Герцог Орлеанский Луи-Филипп, ставший королем Франции после Июльской революции 1830 года, 9 августа присягнул на верность новой конституции. Буржуазные либералы раздували значение Хартии.

² *Пеплум* — женская туника без рукавов.

Председатель взял стопку бумаг. Голос его звучал монотонно. До глубины зала долетали лишь обрывки фраз.

— Испрашивают отпуска... господин Блаше, господин Бюкен-Леконт, господин де Ла Виллардьер.

Пока палата давала разрешение на испрошенные отпуска, Кану, по-видимому, надоело разглядывать зеленый шелк, скрывающий изображение ныне ставшего неблагонадежным Луи-Филиппа: он слегка обернулся и посмотрел на галерею. Над желтой мраморной каймой с наведенными лаком прожилками виднелся за колоннами один-единственный ряд галереи, обтянутый пурпурным бархатом; карниз из гофрированной меди не мог скрыть пустоту, образовавшуюся после уничтожения верхнего ряда, где до Второй империи обычно помещались журналисты и публика. Между массивными пожелтевшими колоннами, которые обрамляли амфитеатр пышным и тяжеловесным полукругом, виднелись почти пустые ложи; лишь в немногих ярким пятном выделялись светлые женские платья.

— Ага! Полковник Жоблен явился! — пробормотал Кан.

Он улынулся полковнику, когда тот его заметил. Полковник Жоблен был в темно-синем сюртуке, который служил ему после отставки своего рода гражданским мундиром. Украшенный большой, словно узел шейного платка, розеткой офицера Почетного легиона¹, полковник одиноко расположился в ложе квесторов². Кан посмотрел левее, и взгляд его задержался на юноше и молодой женщине, нежно прижавшихся друг

¹ Военный и гражданский орден, учрежденный Наполеоном I в 1802 году.

² *Квесторы* — в Древнем Риме должностные лица, основной функцией которых было заведование государственной казной. В данном случае Золя имеет в виду финансистов.

к другу в уголке ложи Государственного совета. Юноша то и дело наклонялся к своей спутнице и что-то ей говорил, а она, не оборачиваясь и не сводя глаз с аллегорической статуи Общественного порядка, тихо улыбалась.

— Послушайте, Бежюэн! — шепнул депутат, толкая коленом своего коллегу.

Бежюэн писал в этот момент пятое письмо. Он растерянно взглянул на Кана.

— Видите там, наверху, маленького д'Эскорайля и хорошенькую госпожу Бушар? Бьюсь об заклад, что он щиплет её ляжки, такие у нее томные глаза... Похоже на то, что все друзья Ругона условились здесь встретиться. А вот еще в ложе для публики госпожа Коррер и чета Шарбоннель.

Раздался продолжительный звонок. Курьер красивым басом провозгласил: «Внимание, господа!» Все насторожились. Тут председатель произнес фразу, которую услышали все:

— Господин Кан испрашивает согласия на напечатание речи, которую он произнес при обсуждении законопроекта о налоге на кареты и лошадей города Парижа.

По скамьям пронесся ропот, и разговоры возобновились. Ла Рукет подсел к Кану.

— Итак, вы трудитесь на благо народа? — пошутил он. Потом, не дав тому ответить, добавил: — Вы не видели Ругона? Ничего нового не знаете? Об этом все говорят. Но, по-видимому, еще ничего не решено.

Он повернулся и взглянул на стенные часы:

— Уже двадцать минут третьего! Как охотно я улетучился бы, если бы не чтение этой проклятой докладной записки! Оно действительно назначено на сегодня?

— Мы все предупреждены, — ответил Кан. — Отмены, насколько мне известно, не было. Вам следует

остаться. Сразу после чтения будут утверждать ассигнование четырехсот тысяч франков на крестины.

— Несомненно, — подтвердил Ла Рукет. — Старого генерала Легрена, у которого недавно отнялись ноги, привез слуга; генерал сидит в зале заседаний и ожидает голосования... Император вправе рассчитывать на преданность всего Законодательного корпуса в полном составе. По такому торжественному случаю все до единого должны отдать ему свои голоса.

Молодому депутату с великим трудом удалось напустить на себя серьезный вид, приличествующий политическому деятелю. Слегка покачивая головой, он с важностью надул свои кукольные щеки, украшенные редкой белокурой растительностью. Он явно упивался двумя последними ораторскими фразами, которые ему удалось сочинить. Потом вдруг расхохотался и сказал:

— Боже мой! Ну и вид у этих Шарбоннелей!

И они с Каном начали издеваться над Шарбоннелями. Жена куталась в какую-то немислимую желтую шаль; на муже был надет один из тех, сшитых в провинции сюртуков, которые словно вырублены топором. Супруги, тучные, багровые, расплывшиеся, сидели, почти касаясь подбородком бархатной обивки, чтобы лучше следить за ходом заседания, в котором, судя по их вытаращенным глазам, ровно ничего не понимали.

— Если Ругон слетит, — прошептал Ла Рукет, — я и двух су не дам за процесс Шарбоннелей... Да и госпожа Коррер... — Он наклонился к уху Кана и еле слышно продолжил: — Вы-то ведь знаете Ругона; объясните мне, что собой представляет эта госпожа Коррер? Она содержала гостиницу, не так ли? Когда-то у нее жил Ругон. Говорят даже, что она давала ему деньги взаймы... Чем она занимается теперь?

Кан сделал непроницаемое лицо. Он не спеша погладил бороду, напомилавшую ошейник.

— Госпожа Коррер весьма почтенная особа, — решительно заявил он.

Этот ответ в корне пресек любопытство Ла Рукета. Он поджал губы, как школьник, который только что получил нагоняй. Оба депутата с минуту молча разглядывали госпожу Коррер, сидевшую возле Шарбоннель. На ней было ярко-лиловое платье, щедро украшенное кружевами и драгоценностями; слишком розовая, с мелкими, как у куклы, белокурыми кудряшками на лбу, она выставляла напоказ полную шею, еще очень красивую, хотя ее обладательнице шел сорок девятый год.

В глубине зала хлопнула дверь, послышался шелест юбок, и все оглянулись. В ложе дипломатического корпуса появилась высокая, необычайно красивая девушка в причудливом, дурно сшитом атласном платье цвета морской воды и с нею — пожилая дама в черном.

— Взгляните! Прекрасная Клоринда! — С этими словами Ла Рукет привстал и на всякий случай поклонился.

Кан тоже встал.

— Послушайте, Бежюэн, — шепнул он своему коллеге, занятому заклеивать писем, — здесь графиня Бальби с дочерью. Я поднимусь к ним и спрошу, не видели ли они Ругона.

Председатель взял со стола новую стопку бумаг. Не переставая читать, он бегло взглянул на прекрасную Клоринду Бальби, чье появление в зале было встречено перешептыванием. Передавая одну за другой бумаги секретарю, он продолжал говорить без выражения, без точек и запятых:

— Внесение законопроекта об отсрочке взыскания дополнительного налога с таможи города Лилля... Внесение законопроекта о слиянии в одну общину общин Дульван-ле-Пети и Виль-ан-Блезе (Верхняя Марна)...

Кан вернулся совершенно обескураженный.

— Его решительно никто не видел, — сообщил он Бежюэну и Ла Рукету, встретив их у нижних рядов амфитеатра. — Мне сообщили, что вчера вечером император вызывал его к себе, но неизвестно, чем кончилась их беседа... Самое скверное, когда не знаешь, чего ожидать.

Едва Кан отвернулся, как Ла Рукет шепнул Бежюэну:

— Бедняга Кан весь трясется от страха, что Ругон поссорится с двором. Тогда ему не видать железной дороги.

На это немногословный Бежюэн внушительно заметил:

— Уход Ругона из Государственного совета будет потерей для всех.

И, поманив курьера, попросил его опустить в почтовый ящик только что написанные письма.

Трое депутатов так и остались стоять у стола, с левой стороны. Они сдержанно переговаривались о немилости, которая грозила Ругону. Дело было запутанное. Некто Родригес, дальний родственник императрицы¹, требовал с 1808 года от французского правительства уплаты двух миллионов франков. Во время испанской войны² французский фрегат «Вижилянт» задержал в Гасконском заливе и препроводил в Брест грузенное сахаром и кофе судно, владельцем которого был Родригес. Основываясь на расследовании, произведенном местной комиссией, интендант определил правомочность захвата, не снесясь предварительно с призовым судом. Тем временем Родригес поспешил

¹ Луи Бонапарт в 1853 году женился на испанской графине Евгении Монтихо.

² Имеется в виду вторжение Наполеона I в Испанию, начавшееся в 1808 году и вызвавшее всенародное восстание против французских оккупантов; восстание разрослось в партизанскую войну, длившуюся до низложения Наполеона.

обратиться в Государственный совет. Потом он умер, и его сын при всех правительствах тщетно пытался возобновить дело, пока в один прекрасный день слово его правнучки, которая стала теперь всемогущей, не привлекло к этой тяжбе всеобщего внимания.

Над головами депутатов раздавался монотонный голос председателя, продолжавшего перечислять:

— Внесение законопроекта о займе департаменту Кальвадос в размере трехсот тысяч франков... Внесение законопроекта о займе городу Амьену в размере двухсот тысяч франков на устройство новых бульваров... Внесение законопроекта о займе департаменту Кот-дю-Нор в размере трехсот сорока пяти тысяч франков для покрытия образовавшегося за последние пять лет дефицита...

— А все дело в том, — продолжал, еще более понижая голос, Кан, — что этот Родригес придумал хитрую штуку. У него с одним из его зятьев, который жил в Нью-Йорке, были совершенно одинаковые суда, плававшие то под американским, то под испанским флагом, в зависимости от того, что было безопаснее... Ругон заверил меня, что захвату подверглось судно самого Родригеса, который не имел решительно никакого права требовать возмещения.

— Тем более, — добавил Бежюэн, — что дело велось безупречно. Брестский интендант имел все законные основания, не обращаясь в призовой суд, признать захват правомочным.

Они помолчали. Ла Рукет, прислонившись к мраморной облицовке, задирает голову, стараясь привлечь внимание прекрасной Клоринды. Потом он просто-душно спросил:

— Но почему Ругон не желает, чтобы Родригесу выплатили два миллиона франков? Ему-то что за дело?

— Это вопрос совести, — внушительно отрезал Кан.

Ла Рукет поочередно посмотрел на обоих своих коллег, но, увидев их торжественные лица, даже не улыбнулся.

— Кроме того, — продолжал Кан, словно отвечая на не высказанные вслух мысли, — с тех пор как Марси стал министром внутренних дел, у Ругона начались неприятности. Они всегда не выносили друг друга... Ругон мне говорил, что, не будь он так предан императору, которому уже оказал много услуг, он давно удалился бы от дел. Словом, ему не по себе в Тюильри, он чувствует, что настало время изменить позицию.

— Он действует как честный человек, — продолжал твердо Бежюэн.

— Да, — многозначительно заметил Ла Рукет, — если он хочет уйти в отставку, то сейчас самый подходящий момент. И все-таки его друзья будут в отчаянии. Поглядите наверх, какой встревоженный вид у полковника: он так надеялся к пятнадцатому августа получить красную ленту! А хорошенькая госпожа Бушар, — она ведь клялась, что distinguished господин Бушар будет назначен начальником отделения в Министерстве внутренних дел не позже чем через полгода. Маленький д'Эскорайль, любимчик Ругона, должен был положить приказ о назначении под салфетку Бушара в день именин мадам. Кстати, куда исчезли маленький д'Эскорайль и хорошенькая госпожа Бушар?

Они начали искать их. Наконец юная пара была обнаружена в глубине той самой ложи, первый ряд которой она занимала при открытии заседания. Молодые люди спрятались за спину пожилого лысого господина и неподвижно сидели в темном уголке, изрядно раскрасневшись.

Но тут председатель окончил чтение. Последние слова он произнес приглушенным голосом, словно ему трудно было справиться с варварской топорностью фразы:

— Внесение законопроекта, имеющего утвердить увеличение процентов на заем, утвержденный законом от девятого июня тысяча восемьсот пятьдесят третьего года, а также чрезвычайный налог в пользу департамента Ламанш.

Кан бросился навстречу депутату, который входил в зал. Он подвел вновь пришедшего к своим коллегам со словами:

— А вот и господин де Комбело... Он расскажет нам новости.

Камергер де Комбело, которого департамент Ланд избрал депутатом по прямому повелению императора, сдержанно поклонился, ожидая вопросов. Высокий, красивый, с белоснежной кожей, он, благодаря своей иссиня-черной бороде, пользовался огромным успехом у женщин.

— Что говорят при дворе? — спросил Кан. — Каково решение императора?

— Бог мой, разное говорят, — прокартавил де Комбело. — Император преисполнен искренней дружбы к господину председателю Государственного совета. Точно известно, что беседа протекала в самых дружественных тонах... Да, в самых дружественных тонах.

И он замолчал, словно взвешивая про себя свои слова и выясняя, не слишком ли далеко он зашел.

— Значит, Ругон взял назад заявление об отставке? — спросил Кан, и глаза его блеснули.

— Этого я не сказал, — встревожился камергер. — Я ничего не знаю. У меня, видите ли, особое положение...

Он не кончил и, ограничившись улыбкой, поспешно прошел к своей скамье. Кан пожал плечами и обратился к Ла Рукету:

— Мне сейчас пришло в голову, что вы-то, во всяком случае, должны быть в курсе дела. Разве ваша сестра, госпожа де Лоренц, вам ничего не рассказывает?

— Ну, моя сестра еще больше скрывает, чем господин де Комбело, — рассмеялся молодой депутат. — С тех пор как ее назначили придворной дамой, она стала непроницаемой министра... Однако вчера она завила меня, что отставка будет принята... Кстати, вот забавная история: говорят, будто к Ругону была подслана некая дама, чтобы его уговорить. Знаете, что сделал Ругон? Выставил ее за дверь... Причем дама была очаровательная.

— Ругон — целомудренный человек, — торжественно заявил Бежюэн.

Ла Рукет так и покотился со смеху; он стал возражать, уверял, что мог бы привести факты, если бы захотел.

— Например, — зашептал он, — госпожа Коррер...

— Ничего подобного! — возразил Кан. — Вы просто не в курсе дела.

— В таком случае — прекрасная Клоринда!

— Бросьте! Ругон слишком умен, чтобы потерять голову из-за этой долговязой девчонки!

И, наклонившись друг к другу, они с увлечением начали сплетничать, уснащая разговор весьма недвусмысленными словечками. Они делились слухами, ходившими об этих двух итальянках, матери и дочери, наполовину авантюристках, наполовину светских дамах, которые появлялись повсюду, в любой толчее: у министров, на авансцене захудалых театриков, на модных пляжах, в третьеразрядных гостиницах. Передавали, что мать была отпрыском королевского дома; дочь, незнакомая с французскими представлениями о приличиях и поэтому прославившая сумасбродной, невоспитанной «долговязой девчонкой», была способна загнать насмерть верховую лошадь, ходила пешком в дождливую погоду, выставляя напоказ грязные чулки и стоптанные башмаки, охотилась за мужем, расточая не по-девически смелые улыбки. Ла Рукет

рассказал, что однажды вечером она явилась на бал к кавалеру Рускони, папскому послу, в костюме Дианы-охотницы — таком откровенном, что на следующий день господин де Нугаред, старый и весьма лакомый до женщин сенатор, чуть было не предложил ей руку и сердце. И пока Ла Рукет болтал, все трое поглядывали в сторону прекрасной Клоринды, которая, не считаясь с приличиями, рассматривала по очереди всех членов палаты в большой театральный бинокль.

— Нет-нет! — повторил Кан. — Ругон никогда не сделает такой глупости. Он говорит, что она очень умна, и в шутку называет ее «мадемуазель Макиавелли»¹. Просто она забавляет его.

— И все-таки, — заключил Бежюэн, — Ругон делает ошибку, что не женится. Женитьба придает человеку солидности.

Они единодушно согласились, что Ругону нужна жена немолодая, лет тридцати пяти по меньшей мере, которая внесла бы в дом атмосферу добропорядочности.

Тем временем вокруг них все зашумело. Они до того увлеклись рискованным разговором, что перестали замечать окружающее. Откуда-то из глубины коридоров глухо доносились голоса курьеров, взывавших: «На заседание, господа! На заседание!» И депутаты стекались со всех сторон к массивным, настежь распахнутым дверям из красного дерева с золотыми звездами на филенках. Полупустой до этого, зал постепенно наполнился. Кучки депутатов, которые, позевывая, лениво и сонно перебрасывались через скамьи замечаниями, потонули в нарастающем прибое людей, усердно обменивавшихся рукопожатиями. Рас-

¹ *Николо Макиавелли* (1469–1527) — итальянский политический деятель и историк, проповедовавший крайнюю политическую беспринципность и цинизм; оправдывавший любые, даже самые коварные и жестокие методы управления.

саживаясь по местам, члены палаты улыбались друг другу; казалось, что все они принадлежат к одной семье; на их лицах было написано сознание долга, который они собирались сейчас исполнить. Толстяка, уснувшего глубоким сном на последней скамье слева, растолкал сосед, и когда последний шепнул ему на ухо несколько слов, толстяк поспешно протер глаза и принял пристойную позу. Заседание, которое до сих пор было посвящено слишком скучным для этих господ деловым вопросам, начинало приобретать захватывающий интерес.

Увлекаемые толпой, Кан и его коллеги, сами того не замечая, добрались до своих скамей. Стараясь не слишком громко смеяться, они продолжали болтать. Ла Рукет рассказал еще одну сплетню о прекрасной Клоринде. Однажды ей пришла в голову ни с чем не сообразная прихоть обтянуть свою спальню черной тканью с серебряными блестками и принимать близких друзей в постели, закутавшись в черные покрывала, из-под которых виднелся только кончик ее носа.

Опустившись на скамью, Кан внезапно пришел в себя.

— Черт бы побрал этого Ла Рукета с его дурацкими баснями! — пробормотал он. — Оказывается, я прозевал Ругона! — И он яростно набросился на соседа: — Послушайте, Бежюэн, вы могли бы сказать мне, что он пришел!

Ругон, только что с положенными почестями введенный в зал, уже сидел между двумя членами совета на скамье государственных чиновников — огромной клетке красного дерева, стоявшей у стола председателя на месте упраздненной трибуны. Зеленый суконный сюртук, шитый золотом по вороту и обшлагам, казалось, вот-вот лопнет на его широких плечах. Повернув к залу лицо, обрамленное гривой седеющих волос над четырехугольным лбом, он прятал глаза под тяже-

лыми, всегда полузакрытыми веками; крупный нос, мясистые губы, массивные щеки без единой морщинки, хотя их обладателю уже исполнилось сорок шесть лет, говорили о бесцеремонной грубости, в которой проглядывала порою красота силы. Уткнув подбородок в воротник, он спокойно сидел, усталый и ко всему безразличный.

— Вид у него самый обычный, — вполголоса заметил Бежюэн.

Депутаты вытягивали шею, стараясь разглядеть лицо Ругона. Шепот сдержанных замечаний перебежал от скамьи к скамье. Но особенно сильное впечатление произвел приход Ругона в ложах. Шарбоннели, желая, чтобы их заметили, так восторженно свесились вниз, что чуть было не свалились. Госпожа Коррер слегка закашлялась и, делая вид, что подносит платок к губам, взмахнула им. Жоблен выпрямился, а хорошенькая госпожа Бушар поспешно перешла в первый ряд и, немного запыхавшись, стала перевязывать ленту на шляпке, в то время как раздосадованный д'Эскорайль молча стоял за ней. Что касается прекрасной Клоринды, то она повела себя без стеснений. Видя, что Ругон не поднимает глаз, она несколько раз отчетливо стукнула биноклем по мрамору колонны, к которой прислонилась, а когда он все же не поглядел в ее сторону, звонко сказала матери, так что услышал весь зал:

— Хитрый толстячок изволит дуться!

Депутаты расплылись в улыбке и повернулись к ней. Ругон решил наконец бросить на нее взгляд. И когда он чуть заметно кивнул ей, она торжествующе хлопнула в ладоши, откинулась назад и, смеясь, громко заговорила с матерью, не устаивая вниманием глазевших на нее снизу мужчин.

Прежде чем снова опустить веки, Ругон неторопливо обвел взглядом ложи, заметив и госпожу Бушар, и полковника Жоблена, и госпожу Коррер, и Шар-

боннелей. Лицо его осталось непроницаемым. Он снова уткнул подбородок в воротник и, сдерживая легкую зевоту, полузакрыв глаза.

— Все-таки я попробую перекинуться с ним словечком, — шепнул Кан на ухо Бежюэну.

Но едва он встал, как председатель, внимательно оглядев зал и убедившись, что все депутаты на месте, дал продолжительный звонок. Внезапно воцарилось глубокое молчание.

С первой скамьи из желтого мрамора, над которой возвышался белый мраморный попитр, поднялся светловолосый депутат. В руках у него был большой лист бумаги, от которого он ни на минуту не отрывал глаз.

— Я имею честь, — начал он нараспев, — представить докладную записку о законопроекте, открывающем правительству из бюджета тысяча восемьсот пятьдесят шестого года кредит в размере четырехсот тысяч франков на покрытие расходов по устройству празднеств в честь рождения наследника престола.

И он медленно направился к столу, словно собираясь положить на него записку, но тут все депутаты закричали согласным хором:

— Читайте! Читайте!

Пока председатель ставил на голосование вопрос о том, состоится ли чтение, белокурый депутат ждал. Потом он начал растроганным тоном:

— Господа! Внесенный правительством законопроект относится к числу тех, для которых обычные формы утверждения кажутся слишком медленными, ибо они не дают простора единодушному порыву Законодательного корпуса.

— Прекрасно! — выкрикнуло несколько членов палаты.

— В самых убогих семьях, — отчеканивал каждое слово докладчик, — рождение сына, рождение наследника и все сопутствующие этому событию мысли

Золя Э.

З 81 Его превосходительство Эжен Ругон : роман / Эмиль Золя ; пер. с фр. Э. Линецкой, Е. Лопыревой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 448 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-12290-1

Эмиль Золя — классик французской литературы, писатель и драматург, основатель и теоретик «натурализма» во Франции, одного из самых влиятельных направлений в литературе второй половины XIX века. Главный труд Золя — эпохальный двадцатитомный цикл «Ругон-Маккары», распахивающий перед читателем впечатляющую панораму человеческих судеб времен Второй империи. Это энциклопедия жизни Парижа и французской провинции на материале нескольких поколений одной семьи — головокружительная в своей детальности и масштабности эпопея, где есть все: алчность и бескорыстие, любовь к ближнему и звериная страсть, возвышенные устремления и повседневная рутина, взлеты и падения сильных и слабых мира сего. «Его превосходительство Эжен Ругон» (1876) является вторым томом цикла, если следовать внутренней хронологии и рекомендованному порядку чтения, который дал сам автор в завершающем романе своего грандиозного труда.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО
ЭЖЕН РУГОН

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.03.2024.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 19,74. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-AKB-20323-01-R